

УДАР ОТЛОЖЕННОЙ СМЕРТИ

Инна Тренина

Инна Трoнина

Удар отложенной смерти

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Удар отложенной смерти / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

1990 год, Ленинград. Отделу борьбы с организованной преступностью под руководством майора Захара Горбовского поручено найти и перекрыть канал, по которому из страны за границу уходят драгметаллы в счёт оплаты за поставленное бандитам современное вооружение. Лучшему оперативнику подразделения Андрею Озирскому удалось в результате сложной и смертельно опасной операции выйти на одного из самых опасных преступников, действующих в Ленинграде – Филиппа Готтхильфа по кличке Обер – и сделать его своим агентом...

© Трoнина И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инна Тронина

УДАР ОТЛОЖЕННОЙ СМЕРТИ

Удар отложенной смерти – лёгкий, безболезненный тычок в область солнечного сплетения, вызывающий через неделю смерть абсолютно здорового человека от ураганного гниения внутренних органов.

Согласно легендам о восточных единоборствах, «ударом отложенной смерти» владеют лишь несколько мастеров.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Вернувшись в свой кабинет, майор Горбовский обнаружил, что забыл выключить радио. Начальник Управления по городу и области вызвал его прямо после оперативки. Горбовский как раз, вскипятив чайник, устроился с дымящейся кружкой за столом, чтобы прослушать последние известия и прогноз погоды.

Но, поскольку генерал потребовал явиться срочно, Захар Сысоевич, давясь и обжигаясь, выпил свой чай и выскочил в коридор. Потом хлопнул себя по лбу, вернулся, запер кабинет и намертво забыл о репродукторе. Начальника отдела борьбы с организованной преступностью к руководству Главка по пустякам не приглашали.

За мутным стеклом чуть вкось летел мокрый снег, и радио вновь передавало новости – только уже следующий, пятичасовой выпуск. Женский звенящий голос взволнованно говорил в пустоту тёмного кабинета:

– Положение в столице Румынии продолжает оставаться крайне напряжённым. Сторонники свергнутого диктатора Чаушеску не прекращают попыток...

Теперь для Захара не существовало никаких, даже крайне важных событий. Он нажал на клавишу, и приёмник, щёлкнув, умолк. Не зажигая света, майор нащупал кожаную спинку вертящегося кресла на колёсиках, медленно придвинул его поближе и сел. Надорвал пачку «Опала», погромел спичечным коробком. Сегодня был несчастливый день, и первом делем сломалась зажигалка.

Кабинет окончательно погрузился во мрак. Рубиновый огонёк сигареты горел над столом майора, освещая несколько тощих кожаных папок, письменный прибор с калькулятором, фотографию жены и детей под стеклом, керамическую пепельницу с давнишними окурками, манжету и чёрный рукав пиджака Горбовского.

Прежде чем вызвать сотрудников, Захар должен был ещё раз обдумать всё услышанное и сообразить, с чего же следует начинать. Пройдёт несколько минут, и вспыхнут под потолком лампы дневного света; в кабинете сделается шумно и тесно. За длинным столом, образующим вместе с майорским букву «Т», соберутся его ребята, чтобы выслушать сообщение начальника.

Суть нужно объяснить в двух словах, оставив побольше времени для обмена мнениями. Максимум три часа остаётся в запасе на сегодняшний день, а дальше большинство сотрудников уйдут на выходные. Но приказ не допускает вариантов – работу по контрабанде нужно пустить в первую очередь.

Отдел борьбы с организованной преступностью должен помочь УКГБ в невероятно сложном деле. У Горбовского специалисты, в его отдел собран весь цвет из Главного и районных управлений. Кроме того, в распоряжении майора находится разветвлённая агентурная сеть, которой откровенно завидуют даже «верхние этажи» – так называли в милиции КГБ. После вступления начальник Главка сжато обрисовал ситуацию и изложил свои требования.

Дверь кабинета кто-то попробовал открыть. Она подделалась, чему в коридоре удивились.

– Не заперто? А почему света нет?

– Заходи, Геннадий. И заодно нажми выключатель...

Горбовский выпрямился за столом, гася окурки в пепельнице. Лампы под потолком, как всегда, сначала мигали и потрескивали, но потом загорелись ярко и загудели ровно. Захар через стол протянул руку своему заму, майору Петренко.

– Только собрался тебе звонить...

– Я уже несколько раз толкался, и всё время было закрыто. У генерала заседал?

Геннадий сел напротив Захара, боком к столу для совещаний. Пронзительный свет заливал кабинет, позволяя каждому из в деталях видеть другого.

По морщинистому, треугольному, с лихорадочно блестящими синими глазами, по мученически сведённым на переносице бархатным бровям Горбовского Петренко понял – начальничка если не взгрели, то сильно озадачили. Так много Захар курил лишь в исключительных случаях – по кабинету плавали клубы дыма, а в пепельнице громоздилась горка свежих «хабариков».

Тёмно-русая, с проседью, шевелюра Горбовского, взлохмаченная пальцами и влажная от пота, напоминала развороченный вилами стог перепревшего сена. Захар, в свою очередь, изучал впалые щёки Петренко, его очки с цилиндрами в импортной серебристой оправе, и завидовал ровному пробору в напомаженных пепельных волосах. Худой и высокий, в сером респектабельном костюме и начищенных ботинках, холодно-официальный и насмешливый, Геннадий Иванович походил на фирмача.

– Генерал вызывал? – ещё раз спросил Петренко, чуть наклоняясь вперёд.

Горбовский увидел его глаза. Светло-серые, сильно уменьшенные линзами очков, они своей полнейшей бесстрастностью напоминали стеклянные. Захар где-то внутри вспыхнул, поняв, что зря всё-таки обнаруживает свои чувства при подчинённых. Геннадий прямо не говорил, но Горбовский понимал, что выглядит в глазах зама, мягко говоря, не шибко умным. И в данный момент Петренко, конечно же, думает, почему их, родившихся в одном году и находящихся в одинаковом звании, расставили на служебной лестнице так, а не иначе.

В восемьдесят седьмом году они пришли во вновь образованное подразделение из второго подотдела уголовного розыска – так называемой «двойки». Они поднаторели на «глухих» убийствах, оба имели по ордену Красной Звезды, и послужной список Захара смотрела ничуть не лучше, чем у Геннадия.

Впрочем, задумывалось всё далеко не так. Их шефом в отделе борьбы с организованной преступностью должен был стать полковник Михаил Иванович Грачёв, руководивший их опергруппой в «двойке». Но возглавить отдел Грачёву не удалось – в августе восемьдесят седьмого он погиб в авиакатастрофе на подлёте к Новороссийску. Предложение возглавить отдел сделали Горбовскому, который, кстати, ещё не сразу и согласился.

Что ж, всё правильно – ведь Захар Горбовский был замом Михаила Грачёва. И, тем не менее, при виде Горбовского Петренко частенько становилось не по себе. Впрочем, сейчас сердце лишь обдало тревожным холодком, но очень быстро его согрела жаркая волна любопытства.

– Так что же, собственно,стряслось?

– Вызывал. – Горбовский сбросил пиджак и через голову сбросил петлю галстука. – Гена, на нас вешают контрабанду.

– То есть?..

Петренко наморщил высокий лоб. Его длинные узловатые пальцы непроизвольно сжались на полированной крышке стола. Напротив, несмотря на то, что до Нового года оставалось больше недели, уже стояли еловые ветки в хрустальной вазе. Смолистые, удлинённые шишки сами по себе служили украшением и придавали веткам особую прелесть. По Литейному проспекту проносились трамваи, и шишки мелко дрожали. Тоненько позвякивали и стаканы в углу на тумбочке.

– Имеются сведения о поставленном с размахом вывозе через финскую границу золота в виде слитков, монет, ювелирных изделий. Платину переправляют в основном слитками, реже – как украшения. Легко проходят таможеню радиодетали, включающие эти драгметаллы. Вовсю уплывают, как ты знаешь, культурные ценности – картины, иконы, другие предметы религиозного культа. Похищают их из храмов, музеев, частных коллекций. У генерала услышал ново-

сти – вчера церквушку под Кировском грабнули. В деле фигурируют и прочие ценности, которые предпочитают не вносить в таможенные декларации. А взамен тем же путём через Прибалтику, в частности, через Клайпедский порт, поступает огнестрельное, газовое и холодное оружие, включая и гранаты с гранатомётами. Рации, электрошоковые дубинки, пистолеты-авторучки, пистолеты-трости... – Горбовский раскрыл папку и разложил перед Петренко развёрнутые листы с таблицами. – Смотри: швейцарские ножи обоюдоострые, ножи системы «НАТО милитри», «Спринг-Найф», китайские – и всё огромными партиями. Нитка прохождения ценностей и оружия крепкая, давняя и эффективная. Поступают «узи», «скорпионы», «томпсоны». Это, как ты понимаешь, калибр 12,6 миллиметров. В грудь пуля попадает – из орбит выскакивают глаза. Только что в городе появились автоматы системы «суоми» – эти уже прямиком из Финляндии. Вчера в порожнем вагоне совершенно случайно обнаружили пару ящиков с осколочными гранатами и запалами к ним. А ведь в том же составе шли наливные цистерны – бензин...

– Куда шёл состав? – Петренко кусал тонкую нижнюю губу. – К нам или от нас?

– К нам, в Ленинград, из Выборга.

– Это всё, конечно, прискорбно. Но причём здесь мы?

– С подобными вопросами обращайся к генералу. Мне примерно на такой же он ответил, что мы просто обязаны помочь товарищам из Комитета. У нас агентура...

– А у них нет? – усмехнулся Петренко, блеснув очками. – Контрабанда – не наша забота...

Или начальство считает, что мы тут целыми днями дурью маемся?

– Ты на сто процентов прав. Но деятельность организованных преступных группировок налицо, а это уже наша компетенция. Граница границей – это действительно не относится к нашему Министерству. Но ценности вывозят из Ленинграда и области. Оружие, приобретённое взамен, может заговорить здесь же. А это, я с генералом согласен, наша забота. Хоть меня, хоть тебя, хоть кого-то из наших хлопцев могут «снять» из этих стволов. Если мы сейчас же не разберёмся конкретно с этой шарогой, не пресечём каналы хищения, число таких «обменных контор» будет множиться в геометрической прогрессии. В первую очередь нужно разобраться, нет ли среди наших знакомцев кандидатов на такой бизнес. И вообще – откуда они берут в таком количестве слитки золота, другие вещи. А, самое главное, каким образом проводят всё это через таможню... Ты со мной согласен, Геннадий?

– Трудно не согласиться.

Петренко отвечал шефу машинально, всё ещё продолжая мысленно сопротивляться начальственному произволу. Тридцать три человека, загруженные под завязку. Ни транспорта, ни спецсредств – только табельное оружие. Да и то неизвестно, когда можно применять; если сподобишься выстрелить, затаскают по инстанциям. Говорить всё это Горбовскому смысла не было – он знал о трудностях отдела не хуже заместителя. Вероятно, ссылался на них и в присутствии генерала, но тот рассудил иначе. Что ж, плевать против ветра бессмысленно – нужно что-то решать.

– А кому дело поручим? У меня все заняты.

– А нужно в первую очередь, Гена. Кто и чем у тебя занят?

– Подготовить справку?

– Да нет, устно.

– Ты же не хуже меня знаешь. Здесь работы – непочатый край. Придётся ребят освободить от всего остального. Генерал говорил об агентурной сети?

– Упомянул несколько раз. Создали её себе на голову! Теперь каждый думает, что мы во все банды вхожи. Вообще-то, Геннадий, ты верно говоришь – давай полные сведения по загрузке личного состава. Поимённо! А потом решим, кого выделить на контрабанду...

– Само собой, Андрея Озирского. Во-первых, всё равно придётся обращаться к нему из-за агентуры. Во-вторых, он только что в «Пулково-2» вместе с бывшими коллегами тряхнул

старинной. Несколько похищенных из Третьяковки полотен вывозили за кордон через Ленинград, а не через Москву. Понятно – след пытались запутать...

– За эти полотна уже из столицы благодарность пришла. – Захар подал Геннадию теле-тайпограмму. – А они сами тоже хороши – столько произведений искусства годами держат в запасниках! Поневоле кто-нибудь решит, что им не нужно... Ну, Андрей, таможня наша – номер первый. Кто ещё?

– Вот вместе и решим. – Петренко обошёл стол и взял телефонную трубку. – Я Озирского вызываю.

– Валяй. – Захар снова закурил, помахав в воздухе спичкой.

– Жаль, Михаила Ружецкого никак в помощь Андрею не выделить! Начни они вместе работать по контрабанде, я бы спокойно спал ночью...

Геннадий настороженно смотрел на Захара. Последний давно уже испытывал откровенную неприязнь к капитану Ружецкому – рисковому и тяжёлому на руку мужику. Ружецкий, кроме всего прочего, был известен как внебрачный сын Михаила Ивановича Грачёва и давний друг Андрея Озирского. Они, погодки-супермены, восемь лет назад завершили каскадёрскую карьеру.

– Нет уж, пусть Ружецкий курирует Некрасовский, то бишь Мальцевский рынок. Там после рейда работы полно. Другие кандидатуры есть?

Петренко пристально взглянул на шефа, и щека его непроизвольно дёрнулась. Начальник отдела хотел предложить от себя Александра Минца, бывшего сотрудника Василеостровской прокуратуры. Несмотря на молодость, Саша уже успел выступить в качестве обвинителя на нескольких судебных процессах.

Сейчас Минц тоже работал у них. Горбовский, поначалу настороженно относившийся к музыкальному и напичканному иностранными языками мальчику, привык к нему. А после, посмотрев Сашу в деле и на досуге, полюбил, будто третьего сына. Петренко же считал Минца случайным человеком в органах, выпендрёжным баловнем судьбы, самолюбивым и инфантильным. Кроме того, Александр не отказывал себе в удовольствии поволочиться за дамами – даже с ущербом для дела.

Ружецкий и Минц, являясь любимчиками главных фигур в отделе, всегда служили поводом для ослабляющих Петренко и Горбовского перебранок. Нынешний случай был из ряда тех, что подливали в тлеющий костёр щедрую порцию бензина. Работа с УКГБ по контрабанде, находящаяся под личным контролем начальника ГУВД, была хоть и опасной, но престижной и нужной для построения карьеры. Поэтому выбор главных участников операции, у которой ещё не было названия, воспринимался руководством отдела так болезненно.

Горбовский понял, что сейчас лучше не обострять отношения, и круто свернул разговор на другие рельсы.

– Ген, ты дочерей на каникулы в Ялту отправляешь?

– Разумеется. Вместе с Гертрудой вылетают тридцатого числа.

– А я Сысойку с Ликой в Скадовск выставяю. Леонид в этом году не едет – ему нужно комиссию проходить перед армией. Останемся мы с тобой без жён, без детей – только работать. – Горбовский яростно потёр ладонями начинающие зарастать щёки. – Звони, сейчас с Андреем посоветуемся. Скажи, чтобы вспомнил, слышал ли что-нибудь о бартере «рыжьё* – стволы». Может быть, в таможене до чего-нибудь дознались.

– Одну минуточку. – Петренко, поглядывая на часы, набрал номер.

* * *

Через пятнадцать минут они сидели за столом уже втроём. По звонку Геннадия Ивановича явился бывший таможенник из аэропорта «Пулково», ныне сотрудник отдела, создатель

и руководитель обширной агентурной сети – капитан Андрей Озирский. За смелость, злость, веселье и авантюризм его прозвали Бладом – и враги, и друзья. Было ему свойственно и непривычное, какое-то старомодное благородство; а также щепетильное, трепетное отношение к собственному честному слову.

Перед каждым из них стоял стакан крепкого чая. Свет ламп отражался от начищенных мельхиоровых подстаканников. Длинная стрелка стенных часов, прыгнув к двенадцати, образовала вместе с короткой прямую линию. За стеной просигналило радио – шесть. Когда Захар вернулся от генерала, было пять, и целый час будто бы провалился в иное измерение.

Захар и Андрей курили. Последний не признавал отечественных и болгарских сигарет, и потому сейчас достал из кармана пачку «Джимми», хотя, как правило, предпочитал «Мальборо». Не страдающий вредной привычкой Петренко пил уже третий стакан чая, рассматривал таблицы с перечислением похищенного из разных мест. Он пытался сообразить, что из всего этого добра могло пойти в уплату за оружие.

Андрею Озирскому летом исполнилось тридцать два года, но выглядел он гораздо моложе. Всегда стремительный, похожий на сжатую до предела пружину, взрывающийся то хохотом, то ругательствами, сокрушительно сильный физически, сегодня он был особенно красив. Всегдашняя кожаная куртка, чёрный джемпер, под ним рубашка того же цвета, потёртые джинсы «Ливайс» только подчёркивали совершенство его лица и фигуры. Озирский мог ввалиться в кабинет грязным и усталым, вонять табаком и потом, материться и хамить начальству – ему всё прощалось.

Трудно было не восхищаться его тонким, матово-бледным лицом и огромными, цвета морской волны, глазами. Тёмно-каштановые волосы, породистые брови с изломом, длинные загнутые ресницы – всё это казалось неестественным, сказочным даже далёким от сентиментальности операм. Черты Андрея словно изваял гениальный скульптор. Он был само Совершенство. И не нашлось ещё человека, который посмел бы с этим спорить.

И Горбовский, и Петренко всегда отдыхали душой, созерцая эту вызывающую, упоительную красоту. Не только лицо, но и форма рук, осанка, манеры – всё выдавало аристократическое происхождение Озирского. Он был как две капли воды похож на свою мать-польку. Об отце Андрея ничего не знал даже Захар, внимательный к личным проблемам своих ребят.

Как-то на вечеринке Андрей разговорился больше обычного и вскользь обронил, что в их семье живёт интересное предание. Якобы давным-давно, лет двести назад, от одного из старинных и почитаемых польских шляхетских родов – графов Потоцких – отделилась линия, не совсем законная и потому мало где зафиксированная. Но фамилия чудом сохранилась, всплыв уже в начале этого века. Мать его дела, в девичестве Данута Потоцкая, была красоты неопиваемой.

Петренко, как всегда, язвительный и не склонный к восторгам, вспомнил об этом сейчас, поднял глаза от сводки и улыбнулся. Да, Андрей, по паспорту Анджей-Юзеф, действительно благородного происхождения. И не серую милицейскую форму ему носить, а шляпу, камзол и шпагу...

– А крупные хищения платины откуда-нибудь происходили?

Андрей, вальяжно откинувшись на спинку стула, протянул руку к столу начальника и придавил к рычагам трубку звонящего телефона, чтобы их беседе не мешали. Кроме него, всеобщего кумира, обладающего сильнейшим магнетизмом, таких выходов в кабинете начальника себе никто не позволял.

– Геннадий, помнишь, ты говорил? Самоварчики какие-то украли в химической лаборатории... – Захар, наморщив лоб, смотрел на Петренко.

– Какие самоварчики? – Петренко с досадой отодвинул таблицу. – Ах, да... Ну, это как бы на жаргоне. Так называется платиновая колбочка на двести пятьдесят миллилитров. Теперь представьте себе, сколько там платины! В том институте из лаборатории спёрли десять таких

приборов. «Самоварчики» присоединяются к аппарату Киппа и служат для разложения пробы плавиковой кислотой при определении закисного железа. Определение ведётся в восстановительной атмосфере углекислоты. Кроме того, похищено четыреста платиновых тиглей по тридцать граммов каждый. И сто платиновых чашек пор пятьдесят-семьдесят граммов. Итого восемнадцать килограммов платины...

– Геннадий, откуда ты так здорово в химии разбираешься? – невольно воскликнул Захар. – Тому же около трёх месяцев... Да нет, ровно три.

– А скандал какой разразился? Я теперь его до смерти не забуду. – Петренко пролистал скоросшиватель. – И ещё... Я ведь лаборантом был у криминалистов, ещё в Сумах. Приходилось и «самоварчики» встречать...

– Интересно! – Андрей тоже развеселился из-за «самоварчиков». – Эту посуду что, не заперли в сейф? Так на столах и стояла?

– Нет, почему же? Заперли, а ключ положили в коробочку. Те пришли, сняли с вахты ключ, открыли лабораторию, потом коробочку. И всё вынесли!

– Классно! – Андрей присвистнул. – Да на эти средства полк вооружить можно. Наводчик, ясно, был из своих.

– У меня тоже такое подозрение. – Захар кусал колпачок ручки. – Геннадий, ещё не припомнишь?

Начальник отдела встал из-за своего стола и тоже склонился над сводками.

– Всякую мелочёвку так сразу не учёшь – надо запрашивать данные. А что, очень много уходит платины?

– Много, но золота больше. – Горбовский перевернул страницу. – И добыть его легче. Кольца, цепочки, серёжки, монеты... Но последнее время почему-то идёт в виде лома. И, кстати, в подавляющем большинстве случаев девяносто восьмой пробы. Где можно раздобыть именно такое, да ещё в огромных количествах? Андрей, кстати... Следы украденной платины у тебя не мелькали?

Озирский закусил костяшку указательного пальца, внимательно изучая таблицы.

– Нет. К сожалению, нет. А вот один источник поступления золотишка я вычислил. Всякие грабежи квартир, граждан и «Ювелирторга» – это ладно. Но есть ещё одно местечко в Питере, где можно озолотиться в кратчайший срок. У меня есть такие сведения...

Андрей не называл никаких имён и фамилий. Горбовский с Петренко не видели в глаза ни одного из агентов, не знали структуры созданной их сотрудником организации. Но проверок и не требовалось – за каждое слово Озирского начальство могло ручаться головой.

– В крематории? – разом догадались оба майора.

Через мгновение Озирский спокойно кивнул.

– Ага.

– Да, там, конечно, нравы лютые. Администрацию и персонал меняли несколько раз. Но, как видно, дело не в этом.

Захар сжал в кулаке простой карандаш, и тот с треском переломился надвое. Телефоны так и звонили, но трубку майор не брал. Превентивная беседа с коллегами выезжала на новую колею.

– Но конкретные факты у тебя есть? Именно насчёт золота! Сейчас не будем говорить о цветах и тапочках.

– Есть. – Андрей, уже догадываясь о теме разговора, заранее распахнул по карманам мятые бумажки – заявления, письма, бланки. Кожанка Озирского имела штук двадцать потайных карманов, вмещавших дикое количество всевозможной документации. – Гражданка Тимохина П.А. прошалась в среднем зале с мужем. У покойничка вся верхняя челюсть была золотая...

На щеке Андрея появилась глубокая ямочка, но глаза налились холодной, болотной зеленью. Бумажка уже была в руках у Горбовского. Петренко Андрей протянул ещё одно заявление – гражданина Михеева С.В.

– Этот проводил жену в последний путь из малого зала. Десять золотых коронок. В обоих случаях – не какое-нибудь там напыление, а именно золото девяносто восьмой пробы...

Андрей приподнялся, проведя карандашом по строчкам заявления Тимохиной. Слова он произносил отчётливо, как всегда. Его поставленный голос ученика капеллы и студента театрального института от волнения не менял тембра.

– Я, кстати, с обоими этими заявителями познакомился. В сейфе у меня лежит ещё штук десять таких документов. Обязуются после кремации вернуть слиток, но не возвращают.

– Вот так, запросто? – Петренко в третий раз перечитал заявление Михеева. – Вижу, гражданин пишет – угрожали?

– Да, там есть, где человека к стенке припереть. В кабинетах-то всё чинно и вежливо, а чуть за угол зашёл – и крепкие ребята тут как тут. И мужчину, и женщину под угрозой расправы вынудили подписать акт о том, что слитки им отданы. Они в тот момент рады были, что хоть в живых остались. Но потом всё-таки решили вопрос поднять. То же самое в различных вариациях в десяти других заявлениях. Кому грозили не отдать урну, кому – расправиться с детьми, кого – лично тут же оприходовать. И я уверен, – Андрей снова достал сигареты, зажигалку, – что подавляющее большинство граждан вообще не заявляют об этом в милицию. Жизнь, как говорится, дороже.

Тонкий, но загрубевший от занятий карате палец Озирского щёлкнул курком зажигалки. Потом она исчезла в одном из многочисленных карманов.

– Так твой человек не выяснил, с кем связана эта контора на Шафировском? – Захар отложил заявление, датированное вторым декабря. – И о слитках с тех пор – никаких сведений?

– Никаких. Бабуля Тимохина потом и вовсе отказалась от своей жалобы.

– А Михеев? – спросил Петренко.

– Тоже!

Озирский резко выдохнул дым. Как и остальные, он кинул взгляд на часы – массивные, с круглым циферблатом и блестящими стрелками. Склёпанный из алюминиевых пластин браслет очень шёл Андрею.

– Ясенько. Так кто выплавляет золото? Удалось узнать?

Горбовский, между прочим, отметил, что почти семь. Надо всё-таки Андрею дать помощника. Но при Петренко назвать фамилию Минца – всё равно что помахать под носом у бешеного быка кумачовым полотнищем. Единственный, кого одинаково любили Захар и Геннадий, – Андрей Озирский – был вынужден лавировать между ними, взваливая основную работу на свои плечи.

Захар покосился на зама, и тот откровенно поморщился, словно разжёвывая горсть незрелой клюквы. Горбовский читал мысли Петренко: «Дети начальника не могут без Минца. Леониду он переводит английский, Сысою решает задачи по геометрии. И всё бесплатно, вернее, за счёт государства. И Захару Сысоевичу хорошо, и Александру Львовичу. Плохо только отделу борьбы с организованной преступностью, пострадавшим от бандитов гражданам и в целом состоянию дел в государстве...»

Геннадий не только об этом думал, он часто это и говорил, причём прямо при Минце. В Саше майора Петренко раздражало всё, а особенно – его страстный, приглушённый, едва не срывающийся голос.

– Удалось. – Андрей расстегнул очередную «молнию», достал конверт. – Вот справка и фото. Кисляков Валерий Алексеевич, пятьдесят седьмого года рождения, женат, имеет сына. Проживает на Ириновском проспекте. Шестерит* на некоего Ювелира вместе со своими сослуживцами – Ременюком Саввой Панкратовичем и Мажоровым Николаем Варламовичем. В их

тёплой компании ещё несколько рабочих, но имён я пока не знаю. Кисляков занимается этим уже нет пять. Располагает большим количеством валюты. Полгода назад приобрёл «Форд» и всю катается по загранкам. Да, ещё... Это уже будет страшно. Кисляков зарабатывает и по-другому тоже. К золоту это отношения не имеет. Н следует, рано или поздно, бизнес Валерия пресечь...

Петренко, устроив подбородок на кулаках, подумал – надо поспешить. Скоро они уйдут домой, впереди выходные. А потому нужно, чтобы Андрей уже сейчас получил задание.

Помолчав, он спросил:

– И что же он ещё делает?

– Я должен получить плёнку. Мой человек скрытой камерой умудрился снять, но ночью туда привозят трупы, собранные по квартирам и в местах разборок. Кисляков с компанией сжигают их тут же, получая оплату наличными. Все драгоценности, что находят на трупах, тоже идут в оплату. Очень вероятно, что Кисляков поставляет Ювелиру и эти слитки, если проба отвечает требованиям. Можно спрятать в воду, вернее, в огонь, массу концов...

– Ничего себе! – Захар даже поперхнулся. – Теперь я перестану удивляться тому, что трупы бесследно исчезают. А нет тела – нет и дела. Значит, такая плёнка – уже реальность?

– Да, я её на днях сюда заброшу. Так вот, что касается золота...

– Андрей, берёшь это дело. От других освобождаю. Это не тот случай, когда можно работать по совместительству.

– С удовольствием!

Озирский полыхнул своей ослепительной, солнечной улыбкой, и глаза его тоже засветились. При получении смертельно опасного задания Андрей всегда ловил кайф.

– Кого в помощь хочешь? – уже тише спросил Горбовский.

Андрей кинул быстрый взгляд на начальников и всё понял.

– Пока один займусь, а там посмотрим.

– Думаешь, справишься? – Петренко был благодарен Озирскому за сообразительность и благородство.

– А с чем я когда не справлялся, Иваныч?

Андрей принялся собирать свои бумажки, ещё раз перечитывая каждую и аккуратно складывая её потом вчетверо.

Захар остановил его движением руки:

– А ты не зря с собой документы носишь? Оставил бы их у меня в сейфе. И кассету с записью кремации «левака» тоже. Я боюсь, что у них тоже агентура работает, и они постараются у тебя эти вещдоки выкрасть.

– Неужели, по-твоему, я не могу защититься? Да за кого ты меня принимаешь?!

Андрей хмыкнул, обдав Горбовского шквалом снисходительного презрения. Петренко поёжился – по его мнению, Озирский страшно рисковал, таская в куртке столь желанные для преступников документы.

– За вождественную мишень для нападения. Ты всё-таки оглядывайся, чёрт их знает... Я тебе, конечно, приказывать не буду. Но я тебя прошу... Не верю, чтобы они вот так совершенно не подозревали о слежке. Кстати, ты точно знаешь, что Кисляков работает с Уссером-Ювелиром?

– Точнее некуда. Начали работать, когда фамилия Уссера была ещё Виц, по третьей жене Симе. Уссеру всегда нужно золото, на то он и Ювелир. Надо же чем-то платить за наркотики, которые Семён Ильич транспортирует через территорию Союза, и на оплату услуг контрабандистов. С некоторыми его гонцами я имел счастье познакомиться, когда ещё работал в «Пулково», а с одной из них даже учился вместе в школе. Все они – наёмники.

– Разве у Уссера своих гонцов нет? – удивился Петренко.

– Эти кадры особенно сильны у Веталия Холодаева. Он – полковник в отставке, а потому держит своих людей в ежовых рукавицах. Сейчас Веталь с Уссером работают на пару. Веталь занимается ввозом всевозможных стволов, а генерал говорил как раз об обмене золота на оружие. На эту парочку больше всего и похоже. Да, ещё... Провоз происходит через финскую границу, а у Веталия дочка Ада там живёт, в Коувале. Она замужем за финном. Арво Аалтоне-ном формально является служащим фирмы «Сааб-Валмет». Знает он или нет о делах своей супруги, я не в курсе. Но сама Ада Витальевна скоро переплюнет в мастерстве своего батюшку. У Веталия есть сестра Аврора, которая проживает в Мексике. В Монтеррее, штат Нуэво-Леон, у них с супругом отличный особняк и большой участок земли. Аврора и её супруг Бенито-Рохелио Гандера дель Рио давно на заметке у спецслужб США и Мексики как торговцы оружием. Но пока на чету не наскребли достаточно улики, глава семьи продолжает трудиться в одной из нефтяных компаний в качестве вице-президента. А жена выступает в «Телесистема мексикана». Очень красивая женщина! – Озирский выразительно прикрыл глаза. – Холодаевы – потомки царского генерала Комаровского. Дочь Авроры и Бенито-Рохелио, родная племянница нашего бандита Веталия, давно уже не живёт с родителями. Она вышла замуж за танцовщика-креола Фернандо Эррера, и сама играет на гитаре, точнее, на гитарроне. Специализируется на испанской и креольской музыке, тоже танцует в Национальном балете, окончила Академию мексиканского танца. Похоже, молодая женщина ни сном, ни духом не ведает о бизнесе своих родственников. А вот Ада в своей губернии Кюми принимает от дяди и тёти партии оружия, переправляет их сюда, а на границе товар встречает сам Веталь. Уссер, видимо, его постоянный покупатель. Они, черти, очень изобретательны. Но вряд ли остались способы вывоза золота, о которых мы не знаем.

– Тем не менее, золото они вывозят, и большими партиями, – подзадорил капитана Захар. – Лично тебе не интересно узнать, как им это удаётся?

– Разумеется, интересно. – Андрей поочерёдно пожал руки своим начальникам. – Замётано. Узнаю. Разрешите идти?

– Иди. – Захар задержал в своей руке ладонь Озирского. – Иди, но смотри... Осторожнее, слышишь?..

– Есть, – выдавил Озирский.

Это было единственное обещание, которое Блад никогда не выполнял.

ГЛАВА 2

У Филиппа закружилась голова от унылого однообразия совхозных полей. Они простирались до горизонта по обеим сторонам дороги. Чуть погода вдалеке показался перелесок, и сухой ветер принёс запах ручьёвских свинарников.

Из-под неглубокого снега, крепко схваченного морозом, торчала почерневшая свекольная ботва. Потом грядки кончились, и за ветровым стеклом поплыл замусоренный пустырь со странной, сероватой, с еле уловимым блеском, землёй. Филипп Готтхильф понял, что это – не до конца перемолотый человеческий прах, свозимый сюда из крематория.

Впереди, изрыгая из выхлопной трубы чёрный смог, тащился «Икарус» с надписью «Техобслуживание». Филипп пристроил свою «Волгу» за ним, с раздражением представляя, на что сейчас будет похожа белоснежная красавица. Не надо было мыть её перед поездкой – плохая примета. Но кто ж знал, что до крематория нельзя добраться по-человечески? Нашёл Валерка Кисляков местечко, нечего сказать! Впрочем, у него тоже выхода не было. Этот день оказался рабочим, а время поджимало.

Положив застывшие руки на руль, обтянутый желтоватым синтетическим мехом, Филипп пытался немного успокоиться и поразмыслить здраво. Вообще-то, в крематории не так уж худо встречаться. Для него безопаснее, меньше подозрений – мало ли кто завернёт на Шафировский проспект? За всеми не уследят...

Проклятая квадратная труба импульсами выпускала дым, казавшийся светлым на фоне чёрного звёздного неба. Филипп, у которого уже в сотый раз за день резко испортилось настроение, решил перекурить. Управляя одной рукой, другой он поспешно вытащил пачку «Винстона», зажигалку. Он был не просто заядлым курильщиком – страсть к никотину перешла у него в наркоманию. И сейчас начинали трястись руки, по позвоночнику пробегал озноб, как при ломках. Последнюю сигарету он выкурил двадцать минут назад – такой перерыв «подсевший» организм выносить уже не мог.

Но мука закончилась, и Филипп торопливо запыхтел сигаретой. Вскоре он более-менее пришёл в норму, завёл «Волгу» на парковку, поправил под дублёнкой ремень замшевой кобуры. А потом расслабился, прикрыв глаза, будто заснул. Но на самом деле Филипп не спал – он вспоминал. Вспоминал всё то, что вскоре могло ему пригодиться...

С Валерой Кисляковым Готтхильф познакомился летом уже ушедшего, семьдесят девятого года. Обстоятельства их встречи были, мягко говоря, необычными; во всяком случае, для нормальных людей. Филипп вызвал Валерия для того, чтобы он скрытно забрал из квартиры на Московском проспекте свежий труп и кремировал его по-быстрому, пока не рассвело. Готтхильф был не первым и не последним – так часто поступали серьёзные люди, желающие «подтереть за собой».

Тогда Филипп выстрелил в затылок своему шофёру Владимиру Каневскому, пожалев его дурость и молодость. Хотя, конечно, парень заслуживал куда более страшной смерти – ведь он оказался ментовским агентом, и лишь по счастливой случайности не успел передать первое донесение.

Они с Веталем Холодаевым ехали на «БМВ» Филиппа в загородный дом «оружейного короля». Чтобы не терять времени даром, вполголоса обсуждали план переправки за кордон платины в слитках – подошло время расплачиваться за товар. Филипп хотел заменить вооружение себе и тем людям, что время от времени помогали ему, когда нельзя было справиться в одиночку.

Кроме «стволов», Веталь занимался ещё и средствами связи, и Готтхильф решил заказать ему несколько новейших моделей радиотелефонов и раций. Тогда они ещё не работали вместе,

но услуги по мелочи друг другу оказывали. В частности, Филипп консультировал своих добрых знакомых по химии, фармакологии и медицине.

Уши водителя были наглухо закрыты наушниками плеера, как это полагалось по инструкции. Филипп щедро платил парню. В двадцать три года тот имел по пять тысяч в месяц – для восьмидесят девятого года это была баснословная сумма. И потому ни самому хозяину, ни Веталю Холодаеву не могло присниться, что Каневский шестерит* Бладу. Тот просто физически не мог заплатить ему больше, чем Готтхильф, и потому с этой стороны удара не ждали.

Случилось так, что в лесочке, почти у самой дачи, спустила камера. Каневский прямо в наушниках вылез, чтобы её подкачать. Когда присоединял насос, неловко повернулся, и из-под куртки выпал работающий диктофон. Филипп сделал вид, что ничего не заметил – очень уж не хотелось выглядеть лохом* перед Веталем. Но по приезде на Московский проспект он приказал Каневскому добровольно сдать диктофон, иначе «быки» отберут игрушку силой, ненароком переломав ему кости...

Готтхильф и полгода спустя, сидя в машине неподалёку от крематория, вспоминал, как Каневский вздрогнул, будто от удара. Его остренькое личико с большими голубыми глазами сразу заострилось, как у мертвеца. Зная характер хозяина, Каневский решил не искушать судьбу. Он уже не мог остаться в живых, и думал только о том, как заработать лёгкую смерть.

Филипп, развалившись в кресле и закулив «Кент», открутил назад плёнку, включил воспроизведение и с интересом прослушал весь их разговор с Веталем от начала до конца.

Потом похвалил:

– Молодец! На то и техника японская... Диктофон твой?

Каневский облизнул губы. Он стоял перед Филиппом навывтяжку, и его редкие усики мелко дрожали.

– Н-нет.

– Кому литеришь*? – спокойно, даже дружелюбно спросил Филипп. – Отвечай сразу, облегчишь участь.

– Б-бладу. – Каневский и не думал запираяться, понимая, что в противном случае его станут пытаться.

– Интересно... Я тебя при найме проверял. Знал, что ты не из ментовки. – Филипп стряхнул пепел, с интересом глядя на Каневского. По серому лицу водителя ручьями тёк пот. – Ты был ко мне заслан?

– Нет! Это случилось позже, шеф. – Каневский молил Бога лишь об одном – чтобы его убили сразу, из пистолета. Ответы отскакивали от его зубов, как горох от стены.

– Володя, – мягко, по-отечески обратился Готтхильф к ментовскому агенту, – ты что, проигрался ему? Был должен, и он потребовал в уплату пасти меня? Скажи, не бойся. Это пойдёт в смягчающие обстоятельства. Но я, конечно же, всё проверю. Ну?

– Нет, долгов у меня перед Бладом не было. – Каневский, одеревенев внутри, успокоился и перестал заикаться.

– Садись. – Готтхильф указал на кресло.

Володя подчинился, так же равнодушно глядя в окно поверх головы шефа.

– Сколько он тебе положил? – Филипп глубоко затянулся дымом уже третьей сигареты. Он пока ещё ничего не понимал. – Это первый вопрос. И второе – тебе было мало того, что я давал?

– Он мне не платил ни копейки, – ровно, как автомат, отозвался Каневский, взглядом прощаясь со своей последней белой ночью.

– У него был на тебя компромат? – Готтхильф сверкнул глазами цвета яркой молнии из-под золотистых бровей. – Он взял шантажом? А, Володя?

– Нет, компромата не было.

– Где вы познакомились?

Филипп наконец-то получил возможность допросить завербованного Озирским человека и узнать, по каким методикам тот работает. Володька был отлично устроен, а теперь ему придётся умереть. Он знал об этом, когда соглашался работать на ментовку. На что же надеялся? На «авось»? Очень уж легкомысленно – ведь риск так велик...

– Познакомились в сауне.

– Давно?

– Месяц назад.

– Литеришь давно?

– Тот же месяц.

– Ого! Значит, прямо сразу начал? Даже не раздумывал?

– Раздумывал. Полчаса.

– Он знал, что ты – мой водитель?

– Похоже, что знал. Но быть чьим-то водителем – само по себе не криминал. Шантажа не было, клянусь. – Каневский окончательно поставил на себе крест и обрёл душевную твёрдость.

– Ты что, шизоид, Володя? – Филипп потушил окурочек в серебряной пепельнице-лилии. – В картинке не продулся, компромата он на тебя не имел, не шантажировал, не платил... Тогда в чём дело?

– Он обаял меня, шеф. – Володя смотрел прямо в глаза Филиппу.

Тот наморщил лоб:

– Не понял...

– Я не так выразился. Не подумайте плохо...

– Про Блада такое подумать сложно – с его-то бабами. Да и ты не промах. Продолжай.

– Понимаете, шеф, Блад – авторитет от рождения. Дело даже не в том, что он каратист, что внешне очень красивый, что характером крут. В нём есть что-то такое... Я не смог сопротивляться.

– Он тебе просто приказал? И ты исполнил?

– Он не приказывал. Просто предложил, и я согласился. Он – кумир, понимаете?

– Твой? – криво усмехнулся Готтхильф.

– Вообще. Блад имеет в душе искру Божью...

– Красиво звонишь, Володя. – Филипп устал и решил кончать разбирательство. – Скажи сразу – других среди моих людей он не вербовал?

– Клянусь – не знаю! – Каневский говорил правду, и Филипп ему поверил. – Он же не будет вербовать их при мне. И при трёпе таким никто не поделится. Агенты не должны знать друг друга. Один попадётся – всех потянет...

– Получается, что ты попался первым. И как тебя угораздило?..

Филипп встал, снял пиджак, вынул из наплечной кобуры пистолет. Володя всё понял, и радость зажгла его глаза уже неземным светом. Значит, застрелит! Заслужил. Обер не заставит мучиться, если не захочет – стреляет он классно.

– Андрей давал мне гарантии безопасности. Обещал ни при каких условиях меня не сдавать...

– Вот! А ты сразу во всём признался. – Филипп любовно вытер браунинг кусочком замши. – Ты верующий?

– Да... Я крещён.

– Даю пять минут на молитву. По истечении времени ты встанешь, отойдёшь к стене и повернёшься ко мне затылком. – Филипп не спеша навинчивал на ствол глушитель. – В качестве ментовского агента я оставить тебя жить не могу. Но служил ты мне до последнего времени хорошо, претензий к тебе я не имею. Смерть твоя будет лёгкой – обещаю.

Каневский проглотил слюну и вытер набежавшие на глаза слёзы:

– Благодарю вас, шеф...

Через семь минут всё было кончено. Пуля вошла Каневскому в затылок и выпала из внутреннего угла левого глаза. Смерть получилась мгновенная, и крови почти не было – лишь окрасилась розовым застывающая на щеке слеза...

... Филипп вздрогнул, очнулся. Кисляков просил приехать в половине шестого, а сейчас пять пятнадцать. Надо спешить, потому что в машину позвонил Сеня Уссер-Ювелир и заявил, что в крематории возникли неожиданные осложнения. А Семён Ильич ждёт важного звонка из Нью-Йорка и очень просит Обера разобраться в запутанной ситуации вместо него.

Поскольку Филипп скооперировался с Уссером и Холодаевым для проведения операции «Нильс Бор», они должны были постоянно находиться на связи и по мере возможности помогать друг другу. Операция имела целью переправку двадцати килограммов золота девяносто восьмой пробы через финскую границу, в распоряжение Ады Холодаевой. Сразу же после получения стопроцентной предоплаты поставщики обязались через Аврору Гандара дель Рио и ту же самую Аду направить Веталю партию «томпсонов» с боеприпасами и прочего разнообразного вооружения. Прейскурант передали Веталю по родственным каналам.

Семён, который раньше заведовал ювелирным магазином в Киеве, в конце концов, попался. Он сел на семь лет, полностью отбыл срок в Красноярском крае, но с «золотыми делишками» так и не завязал. Два года назад он в четвёртый раз переменял фамилию, став из Вица Уссером; заключил брак с крупной мошенницей, давно уже эмигрировавшей в США. Ривочка-то и собиралась звонить мужу по каким-то их личным делам.

Филипп же, как непосредственный участник операции и автор её кодового названия, должен был сегодня в последний раз встретиться с Валерой Кисляковым. И получить от него подтверждение того, что всё готово, путь свободен, и риска нет.

Уссер и Холодаев вообще-то не любили с кем-то делить свои барыши, и третьего всегда считали лишним. Но на сей раз у них не осталось выхода. Люди Веталю выяснили, что все способы, которыми до сих пор пользовались «гонцы», таможенниками учтены. Основные исполнители головокружительных вывозов и одновременно любовницы Холодаева – Дездемона Кикина и Власта Сорец – подтвердили, что пытаться проскочить на «авось» глупо. Нужен новый, оригинальный способ, ещё не занесённый в кондуиты «тамги».

Смирившись с этим, Веталь принял решение обратиться к Филиппу Адольфовичу Готтхильфу, бывшему казахстанскому бандиту, более того, киллеру своей группировки. Сейчас бывший отморозок заведовал химической лабораторией в НИИ. Он абсолютно честно защитил кандидатскую диссертацию и сейчас писал докторскую. Несмотря на то, что Готтхильф пользовался репутацией циничного и равнодушного убийцы, алхимика и отравителя, Холодаев убедил Уссера пригласить его к сотрудничеству.

По слухам, Дездемона была категорически против дружбы Веталю с Филиппом. Она утверждала, что проклятый немец, в конце концов, угробит и Холодаева, и Уссера, и ещё кучу их приятелей. Веталь же считал, что без Готтхильфа огромную партию золота из страны не вывезти. А, значит, они проворонят отменный товар. К тому же Холодаев с Готтхильфом были почти что земляки, и это их сблизило. Филипп родился в сорок девятом году, в Лисаковске, что в Кустанайской области Казахстана. Его родителей, Адольфа Готтхильфа и Ирму Штольд, выслали туда соответственно из Ленинграда и Саратова.

Виталий же увидел свет двадцатью одним годом раньше, в Караганде, тогда ещё не имевшей даже статуса города. Он тоже был сыном репрессированных ссыльных – дочери генерала царской армии Олимпиады Комаровской и сына владельца алмазных рудников Константина Холодаева. Оба деда Веталю были расстреляны красными.

В тридцать восьмом году Константина Прохоровича арестовали, выпустили на фронт штрафником, и он погиб под Курском. Всего у Холодаевых было четверо детей, но в живых осталось трое. Брат Викентий умер семилетним от скарлатины – это случилось в сорок втором году. Бывшей красавице, дивной музыкантше Липочке Комаровской пришлось работать про-

давщицей в сельмаге. За лишнюю пайку она жила с шофёрами, охранниками из окрестных лагерей и прочими мужиками, занимающими хлебные должности.

И всё-таки она дотянула до шестидесяти лет. Умерла лишь после того, как дети вышли в люди. Виталий к тому времени был уже подполковником, служил в ракетных войсках тактического назначения. Аврора окончила университет, стала переводчицей. Она вышла замуж за мексиканца и уехала с ним в Чьяпас, на границу с Гватемалой. Потом супруги перебрались к штатовской границе, в Монтеррей. Младшенькая, Нина, вскружила голову пражскому студенту Яну Стеличеку и отбыла с ним в Чехословакию. Оттуда она вернулась после событий шестидесят восьмого с трёхлетним сыном Дмитрием и ещё успела застать мать в живых.

Виталий отличился на Даманском, дослужился до полковника. Но за три года до достижения заветного срока 25-летней выслуги был уволен из Вооружённых Сил за бунтарский характер и, как следствие, конфликты с вышестоящими чинами. Пенсию ему не начислили, оставили с семьёй без средств к существованию. Его жена Вилена, впав в депрессию, наглоталась снотворного, и спасти её не смогли.

Супруга ни дня не работала, кочевала за мужем по гарнизонам в надежде на спокойную достойную жизнь после возвращения на её родину в Ленинград. Их дочь Ада, которой в ту пору было чуть больше двадцати, с горя сама едва не повесилась. Но небеса сжалились над сиротой – она на пляже в Зеленогорске познакомилась с симпатичным молодым финном Арво Аалтоненом. Веталь, хоть и с сожалением, но всё же расстался с единственной дочкой, чтобы устроить хоть её судьбу.

Сам Холодаев давно выполнил норму мастера спорта по пулевой стрельбе. Несколько лет он тренировал начинающих пацанов и мечтал о лучшей доле. Как оказалось, не напрасно – в Мексике, куда приехал по приглашению к сестре, встретился с представителем торговцев оружием. Они активно искали рынки сбыта в Советском Союзе и обратились к Авроре, зная, что та – русская. Раньше Виталий врезал бы в челюсть за такое предложение, но в восьмидесятом году уже этого не сделал...

Холодаев и Уссер попросили Готтхильфа за солидное вознаграждение разработать новый способ транспортировки больших партий золота за рубеж. И когда тот согласился, объявили, что связь держать будут в основном через Валеру Кислякова, уссеровского поставщика.

Встречались они несколько раз в узком составе, в той самой квартире на Московском проспекте, где был убит Володя Каневский. Как только пришли к окончательному соглашению и ударили по рукам, Семён немедленно пригласил со двора Валеру. Ни уссеровский поставщик, ни сам Готтхильф не показали вида, что уже встречались – так было лучше для обоих. Их познакомили, и Уссер с Холодаевым немедленно уехали по своим нескончаемым делам. Валера же остался для того, чтобы окончательно ввести нового компаньона в курс дела.

Филипп лично разлил по рюмкам арманьяк «Камю» и спросил, усаживаясь в кресло напротив Кислякова:

– Из чего состоит партия?

Валерий, высокий, крепкий парень в фирменном «прикиде», со сборным перстнем на пальце, прекрасно помнил, как забирал отсюда труп шофёра; и потому знал, что шутковать с хозяином не следует. Знал он от Уссера и о том, что Филипп вполне может и отравить, если человек чем-то ему не угодит.

– В основном, короночное золото. – Валерий против воли всё время вспоминал тот визит, труп на ковре и белёсые, глубоко посаженные глаза учёного-убийцы.

Сейчас они спокойно разговаривали, курили «Честерфилд», и ароматный дым путался в нитях «дождика» на ёлке. Двадцать четвёртого декабря, в лютеранский Сочельник тёща Готтхильфа возилась на кухне, запекая рождественского гуся с яблоками. Кислякову понравились и квартира, и старушенция с седыми бублями и прозрачными голубыми глазами. А, главное,

доставали запахи, заставляющие всё время глотать слюну. Около бабушки суежилась и двенадцатилетняя Магда Готтхильф, замешивая тесто для булочек с маком.

Готтхильф понял, что значит «короночное», и криво усмехнулся. Его всегда мучило от рассказов о провозке ювелирных изделий в заднице и прочих интимных местах через Пулковскую таможню. А уж о том, что можно обворовывать покойников, не хотелось и думать. Он только дал себе зарок не ставить золотые коронки и не попадать после смерти в крематорий.

– Короночное... – Готтхильф зачихал руки в карманы «варёнок» и, поднявшись из-за сервировочного столика, принялся неслышно расхаживать по своему домашнему кабинету. Мягкие оленьи тапочки утопали в ворсе бухарского ковра. – Это для меня удобно, между прочим, – с камнями не возиться. Я могу, конечно, предложить способ. Но сразу предупреждаю, что на той стороне будет много хлопот.

– Ада Витальевна всё организует, – поспешно заверил Кисляков.

– С этим ясно. А с документацией всё в порядке? Вам ведь родственники почивших не добровольно золото отдавали... Вдруг скандал получится? Мне этого никак не надо. Акты сомнений не вызовут? В случае чего, на меня не наведёте? Я ведь знаю, что вас и ментовка пасёт, и телевидение на контроле держит. До меня дошли слухи, что Озирский имеет у вас своего человека или даже нескольких.

– Да-да... Всё может быть. – Валерий скрипнул зубами, глядя в точности так же, как тогда Каневский, – за спину Готтхильфа, в окно. Только тогда и ночью было светло, а сейчас – темно ранним вечером. – Но я пока ничего подозрительного не замечал. Если только заштормит, сразу же доложу и шефу, и вам. Какой же мент передо мной карты раскроет?

– До начала операции нужно расставить точки над «i», нейтрализовать все усилия противника. Желательно, чтобы всё произошло цивилизованно. Но если без «мокроты» не обойтись, нужно делать это чисто – без единой капли крови... – Готтхильф, только недавно погасивший сигарету, снова закурил. – Короче, давай договоримся так. Если появятся сложности, ты немедленно сигналишь Семёну или мне. А уже мы распутываем комбинацию. Сами не суйтесь – рылом не вышли. Вопросы есть?

Кисляков смотрел на ёлку в россыпи свечей. На серебряное распятие, на бархатные шторы огненного цвета. Его светлые, пустые глаза ненадолго задержались на средневековой реторте за стеклом готического «пенала». Рядом, в серванте, вместо посуды располагалась потрясающая коллекция морских раковин. Среди экспонатов были великолепный, перламутрово-розовый стромбус; кассис, похожий на кактус; мурекс тонкошипный; радужная спираль. Серебристо-беловатый аргонавт; жёлтый крылоногий моллюск; панцирный жгутиконосец, похожий на летящего стрижа – всё это Готтхильф собирал долгие годы, отрывая время от других своих важных дел.

– Филипп Адольфович, у меня вопрос только по существу. Я хочу знать способ транспортировки. Какие у него будут преимущества, а в чём – проблемы. Вы можете мне объяснить? Что касается документов, всё будет в порядке. Я обещаю.

Готтхильф подёргал себя за ворот свитера, пощипал усы и тяжело вздохнул.

– Валера, знаешь, что такое «царская водка»?

– Состав не знаю – я же не специалист. Только слышал, что в ней можно растворять золото.

– Пять с плюсом, Валерик! Ну, так вот – я тебе всё сказал... Мы назовём операцию «Нильс Бор», по имени датского физика. Он таким образом сохранил корону датских монархов, за которой охотились спецслужбы Третьего рейха во время оккупации Дании. Растворив корону в «царской водке», Бор поставил бутылку на полку в лаборатории. Через некоторое время стекло покрылось толстым слоем пыли. И, сколько ни приходили с обыском, сколько ни напрягали головы, никто не смог догадаться. В прозрачной зеленоватой жидкости, налитой

в большую грязную бутылку, была надёжно спрятана корона датских королей. Так поступим и мы...

Кисляков улыбнулся сначала несмело. Потом он просиял от уха до уха, сжав на коленях мощные кулаки. Готтхильф стал в его глазах божеством, и сразу заметил это.

– Филипп Адольфович, вы – гений! Гений! – Валерий даже задохнулся от восторга.

Готтхильф снисходительно возразил:

– Гений не я, а Нильс Бор.

Сидя в машине у крематория, Филипп вспоминал, как воспрянул духом Уссер, узнав о неожиданном предложении. Как засыпал его вопросами Веталь, не сразу поверивший в такую простую и одновременно грандиозную идею. Ведь почти никаких трудностей, а успех полный! После провоза золота в бутылках среди многих других ёмкостей с надписью «Кислота соляная. Техническая» золото будет путём электролиза высажено на катоде.

Холодаева беспокоило, будет ли цвет «царской водки» как-то отличаться от остальной кислоты. И ещё – сумеет ли Готтхильф, нигде не засветившись, растворить такое количество золота. Если Филипп гарантирует полнейшее инкогнито благородного металла в бутылках, он, Веталь, сейчас же даст знать Аде. Дочка приготовит в Финляндии всё для проведения электролиза...

– Понимаешь, Веталь, техническая соляная кислота сама по себе жёлто-зелёного цвета. Перевозится она в таре тёмного стекла. Чистая «солянка» действительно бесцветная и прозрачная, к тому же дымится. Техническая от «царской водки» по виду почти не отличается. Чтобы не рисовать радужную картину, я предупреждаю о нескольких вещах. Главное – «царская водка» выделяет бурые пары оксидов азота при растворении в ней золота. Их легко удалить кипячением. Я выяснил, что на химкомбинаты в Финляндии на очистку возят из Ленинграда химикаты. Бывает, что ими же расплавляются в ходе бартерных сделок. Короче, на таможне в Лужайке к бутылкам с кислотой привыкли.

– А химанализ на «тамге» не сделают? – усмехнулся Веталь.

– А что? И получится солянка. Это ведь надо знать, что искать...

... Сейчас все трудности позади. Золотишко испарилось в смеси трёх частей солянкой кислоты и одной части азотной, словно его и не было. Для скорости Филипп добавил ещё и катализатор.

Он делал докторскую диссертацию, и под предлогом этого часто задерживался в лаборатории. Заведующий надевал лаборантский чёрный халат и принимался на казённом оборудовании выполнять те химические операции, что были на данный момент необходимы.

За молочную бутылку спирта токарь с экспериментального участка превратил все двадцать килограммов золота в стружку, даже не поняв, что это такое. Работяги золото ценили мало, раз и навсегда поставив во главу угла «жидкий доллар», и за них Готтхильф особенно не беспокоился.

Просидев накануне в институте до восьми часов вечера, Филипп Адольфович под тягой развёл в кипящей «царской водке» вязкую жёлтую стружку, опуская её в колбу, как лапшу в кастрюлю. Он успокоился, только окончательно удалив рыжие пары оксидов азота. Потом тщательно проверил, как «царская водка» выглядит в бутылках. Он-то, конечно, распознал бы неладное по запаху и цвету, но на таможне кандидатов химических наук не было. К тому же Готтхильф наверняка знал, что в четырёх огромных бутылках содержится золото, а в Лужайке об этом и не подозревали...

Его беспокоило другое – Готтхильф ощущал за собой «хвост». Его персоной серьёзно заинтересовались в отделе Захара Горбовского, что в любом случае было неприятно, но особенно – сейчас. Буквально вчера, когда всё уже было готово, свои люди на Литейном подтвердили – да, «пасут». Пока нет порочащих материалов, «антимафия» к нему только присматривается. Но не дай Бог Оберу где-нибудь наследить...

А здесь – крупная контрабанда! В случае чего, придётся иметь дело не только с ГУВД, но и с УКГБ. Не хватало ещё, чтобы казахстанские подвиги Готтхильфа выплыли наружу, хотя тогда он проходил как Штольц. Чтобы не помогать легавым, Филипп предпринимал все меры предосторожности. Тряс Кислякова, как грушу, требуя привести в порядок акты. Готтхильф соглашался приступить к перевозке только после того, как Валера убедит капитана Озирского, что все жалобы на вымогательство отозваны, и клиенты претензий не имеют. А то ведь попадутся, суки, в самый ответственный момент, и его заложат...

* * *

Вчера вечером они с Валерием встретились в «Петровском», на Мытнинской набережной, у Петропавловки. Даже в зале пахло речкой водой и мазутом. Грязные волны Невы качали «поплавок» туда-сюда, и посуда всё время ездил по столам. Мороз ударил ночью, а тогда только поднимался северный ветер. Раздражал официант Толик, крутившийся около них; он вполне мог оказаться агентом Озирского.

Филипп начинал сходить с ума – каждый незнакомый человек, или даже прекрасно ему известный, не вызывал доверия. Уж если Володя Каневский стал шестерить капитану, да потом ещё было выявлено четверо осведомителей, дело обстоит более чем серьёзно. Конечно, всех уничтожили, и двое из них отправились в печь крематория живьём. Но кто может поручиться, что здесь, в «Петровском», не сидит несколько человек с бытовыми «жучками», прослушивая каждое их слово?

Валерий тоже выскочил из своего «Форда» бледнее смерти. Пока шли по набережной трапу, ведущему в ресторан, он успел рассказать Готтхильфу о визите на Шафировский Блада собственной персоной. Андрей сказал, что располагает кучей компромата на Кислякова и компанию. Если они хотят получить меньше, то должны, по крайней мере, возратить золото двенадцати жалобщикам. А ведь оно уже плавает в «царской водке», и завтра должно быть отправлено на станцию. Оттуда, уже сегодняшней ночью, состав поедет в сторону финской границы...

– Он нас с пацанами, в конце концов, посадит на кичман! А потом, вполне возможно, и шефа с Веталем, – шептал Кисляков, глядя в рюмку из-под «смирновской» водки. И Готтхильф чувствовал, что всё сказанное относится к нему тоже. – С кишками вытягивает, падла...

– Что он вытянул? – Готтхильф угрожающе сузил глаза, поправляя бриллиантовую булавку на галстук.

– Не из меня... Из Кольки Мажорова. Блад не знает ничего о бутылках с кислотой. Речь идёт о хищении слитков, оставшихся после кремации среди праха. Но оттуда уже недалеко, если вдуматься...

– Как это случилось, давай быстро! Я ведь, Валера, не идеалист. Мне своя шкура дороже. Что касается Горбовского, то он давно ждёт последней капли, чтобы усадить нас рядышком на длинную скамеечку. И это ему, несомненно, удастся. При столь низкой технической оснащённости, малыми силами его отдел работает превосходно. – Филипп взял на вилку миногу и отправил её в рот. = Давай, как было дело?

– Я приехал уже под конец. Озирский сидел в казённой «Волге» сзади. За рулём был его дружок – Аркашка Калинин. В руках у Андрея была жареная курица в промасленной бумаге. Он жевал и говорил с Колькой, всячески демонстрируя своё презрение. Развалился, как дома перед телевизором. Этак прищурился на нас с Колькой и заявил, чтобы мы денёк подумали по поводу своей дальнейшей судьбы. Ну, вы знаете, какие сволочные реплики он роняет, если человек у него на крючке! Не вам рассказывать...

– Я с ним ещё ни разу не встречался, Валера, и мне очень интересно. Давай дальше. Какой у него компромат? Пока я не буду уверен, что за крематорием нет слежки, я товар на «железку» не выпущу.

Филипп жевал уже вторую миногу и почти не пил. Кисляков так и глушил водку, не закусывая.

– Дело в том, что один из родственников золотозубого покойника, сумел записать нас с Мажоровым на диктофон. Мы тогда требовали у него расписаться в получении золотого слитка. Фамилию Озирский, разумеется, не назвал. Он прокрутил Николаю и Савке Ремёнюку эту запись и сказал, что у него таких кассет шесть. Все выкрасть не удастся, и лучше сразу разоружиться перед органами. В противном случае к нам нагрянет Горбовский вместе с ОБХСС. Без чистосердечного признания и добровольной выдачи чалиться нам лет восемь, а то и больше. Ребята без меня, само собой, решить ничего не могли. Но под напором Озирского вынуждены были признать, что золото родственникам бывает, что и не возвращается. Им-то можно сваливать всё на меня, ну а мне на кого? Блад приедет завтра вечером, в четыре часа. Сам обещал, повторил несколько раз. И что мне тогда делать, я не знаю. Убрать его? – Кисляков вскинул светло-серые глаза – совершенно ясные, несмотря на количество выпитого.

– Я не понимаю, почему вы цепенеете перед ним, как кролики перед удавом! А, Валера? То мой, царствие небесное, Каневский!.. То те, которых мы с тобой в печь на носилках отправили. Ещё десятки наших... И поди пойми, чего им не хватает! Ну, посуди сам, Валера. Подумаешь – мент! Да что такое мент, причём всего лишь капитан, перед тобой? Взял бы да выставил его к такой-то матери. Слушай, может, ему дать можно?

– Чего... дать? – опешил Кисляков.

– Кусков десять. Не возьмёт? Ты выручишь на операции больше.

– Он на Невской овощебазе за такое предложение замдиректора в зубы врезал. А я не хочу в молодые годы коронки ставить – рука-то у Блада тяжёлая. А к такой-то матери он не пойдёт. – Валера отрицательно помотал головой. – Ни за что не пойдёт. Понимаете, он действительно смотрит, как змея, не мигая. И лезет в кабинет, будто к себе домой. Блин, вспомнить жутко! Сразу же делается страшно. Дышать нечем. Готов отдать всё, что угодно, ответить на любые вопросы, лишь бы отстал. Впечатление, что он про тебя всё отлично знает, и вообще... Это трудно описать, Филипп Адольфович. Он подсаживается сбоку, обязательно касается плечом, рукой – даёт почувствовать свою силу. Может и за локоть схватить. Тогда кажется, что твои кости сейчас в прах рассыпятся. А ведь я – парень не хилый, сам вольной борьбой занимался. Но Озирский – это что-то особенное. У него каменная ладонь, которой без оружия запросто убить можно. Он же каратист, имеет чёрный пояс. В Китае полгода жил, в Хэйбее – стажировался. Короче, врагу не пожелаешь! Язык сам болтается, и за мыслями уследить невозможно. А потом башка трещит, будто пор ней кирпичом вдарили. Летом случай был такой. Думали, что из зала на втором этаже спускается гроб. Там как раз панихида шла, а я стоял внизу – с рабочими. И вдруг, вместо гроба – Озирский со всей опергруппой, по чьей-то наводке. У нас точно есть хотя бы один его человек. А, может, и несколько. Но замаскированы они хорошо, и вычислить их сложно. Может быть, запись разговора сделал даже не родственник, а агент. А Блад старается запутать следы...

Филипп положил себе на тарелку пластик говяжьего языка с зелёным горошком; взял ножичек и принялся аккуратно резать язык на квадратики. Валерий так и не притрагивался к еде. Водка кончилась, и он уронил голову на руки, время от времени постанывая сквозь зубы.

Готтхильф отбросил ножик, сунул в рот «Данхилл», высек язычок пламени:

– У него семья есть? Он женат?

Толик давно ушёл в противоположный угол зала, и Филипп с Валерием получили возможность беседовать вполголоса. Отгороженное стенками пространство, где стоял их столик, напоминало купе – за это «Петровский» обожали жаждущие уединения парочки. От хрустального светильника во все стороны расходились цветные лучики.

В полумраке между стенками бесшумно сновали официанты с подносами и блокнотами. Туда-сюда шатались трезвые и пьяные посетители. Здесь пол под ногами качался и без спиртного, и потому последних швыряло по всему проходу.

– Женат, уже во второй раз. Первая бросила его лет восемь назад. Он тогда парализованный был после катастрофы на съёмках. Лопнул страховочный трос, и Озирский упал с пятого этажа. Жаль, гад, что не насмерть...

– А дети?

– Сын, четыре года. Жена сейчас в больнице – она на седьмом месяце. Вы считаете, что здесь подойдёт примитивный шантаж?

– Не считай меня мразью. Я же отец, и ты тоже... Вдруг мне аукнется, и Магда из-за меня пострадает? – Филипп нервно потёр руки с длинными тонкими пальцами. Кожа у него была очень белая, в россыпи веснушек. На безымянном пальце правой руки вспыхнул красносиним огнём крупный бриллиант. – Мне просто интересно. Неужели ему башли не нужны? Десять-пятнадцать «тонн» в его положении...

– Филипп Адольфович, сразу видно, что вы с Озирским не встречались. Я вот. К примеру, не могу представить, как можно плевать на «шуршики». А он плюёт, и ещё с прибором! Ни за что не возьмёт, да ещё и в стенку вмажет...

– Ясно. Ему же хуже. – Филипп придвинулся ближе к Валерию. Тот увидел, как задёргалась щека немца, и его просветлевшие почти до белых глаза налились бешеной злобой. – Что он с вами делает, придурки? Что?! Чем берёт? Да жуй ты закуску, чего застыл? Зря, что ли, заплачено? Мне надоело это его владычество над вашими душами! Осточертел постоянный страх разоблачения, когда каждый миг нас могут загрести и вышвырнуть в лагеря. Разгромить с таким трудом налаженные структуры! Признайся, что не всех мусоров боитесь, а именно его. Того, который и в МВД-то без году неделя... Не доучившегося артиста, трюкача с переломанным хребтом. Вшивого инспектора по досмотру, который четыре года копался в чемоданах и штанах вылетающих через «Пулково» барыг. А вы трепещете, будто он послан с небес, и ему дано вершить ваши судьбы. Дерьмом от вас несёт, козлы вы позорные! Не в кайф правду слушать, Валера? А надо – время сейчас такое. Вы всех нас подставите в своём крематории, ясно тебе? Ты хочешь, чтобы Организация в Питере прекратила существование? Вы свято уверовали в какие-то сверхъестественные способности капитана Озирского. Но я, чтобы снять у вас психоз, докажу, что это всё блеф. Его надо унижить, Валера, крепко унижить. А потом уже поглядеть, убрать ли мента вообще или оставить жить опущенным...

– Опущенным? – с ужасом переспросил Кисляков, и чуть не сбросил локтём на пол графинчик из-под водки.

– Не понимай буквально, Валера. Его нужно убить морально, понимаешь? А уже потом – физически, если будет нужно. Наш гордец сам покончит с собой после такого позора. Не забудет того, как орал и вырывался...

– Филипп Адольфович, вы хотите его... – По щекам Кислякова побежали мурашки.

– Да, хочу! Когда он завтра в четыре явится к вам, сделайте, что угодно, но до моего прихода он должен лежать на носилках. В противном случае он и дальше будет куражиться – и над вами, и надо мной. А вот последнего я никому и никогда ещё не спустил. Мне надоело мочить моих людей из-за него. Я желаю поговорить с ним лично, спросить за всё. И потому прошу подготовить наше свидание. Блад ещё тысячу раз проклянёт себя за то, что вовремя не сбавил обороты. Я его сломаю, Валера. Заодно и вас, салаг, поучу, как следует себя вести в рискованных случаях. Он же человек. И будет орать у печи, как все. Это уже – не театр, и он – не актёр. – Готтхильф постучал сигаретой по краю сверкающей пепельницы. – А тебя, Валера, я об одном предупредить хочу. Соберёшься колоться хоть перед Озирским, хоть в ОБХСС, попятышься в последний момент – не взыщи!..

Готтхильф с удовлетворением отметил, что Кисляков посинел от страха.

– Я тебе всё сказал. – Он поднялся, бросил на стол несколько сотенных. – Больше у меня времени нет. Ночью подумай, как станешь исполнять приказ, чтобы завтра не лопухнуться. А пока посиди ещё немного тут – попей, поешь. Только старайся с незнакомыми бабами не крутить – могут быть от Горбовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.